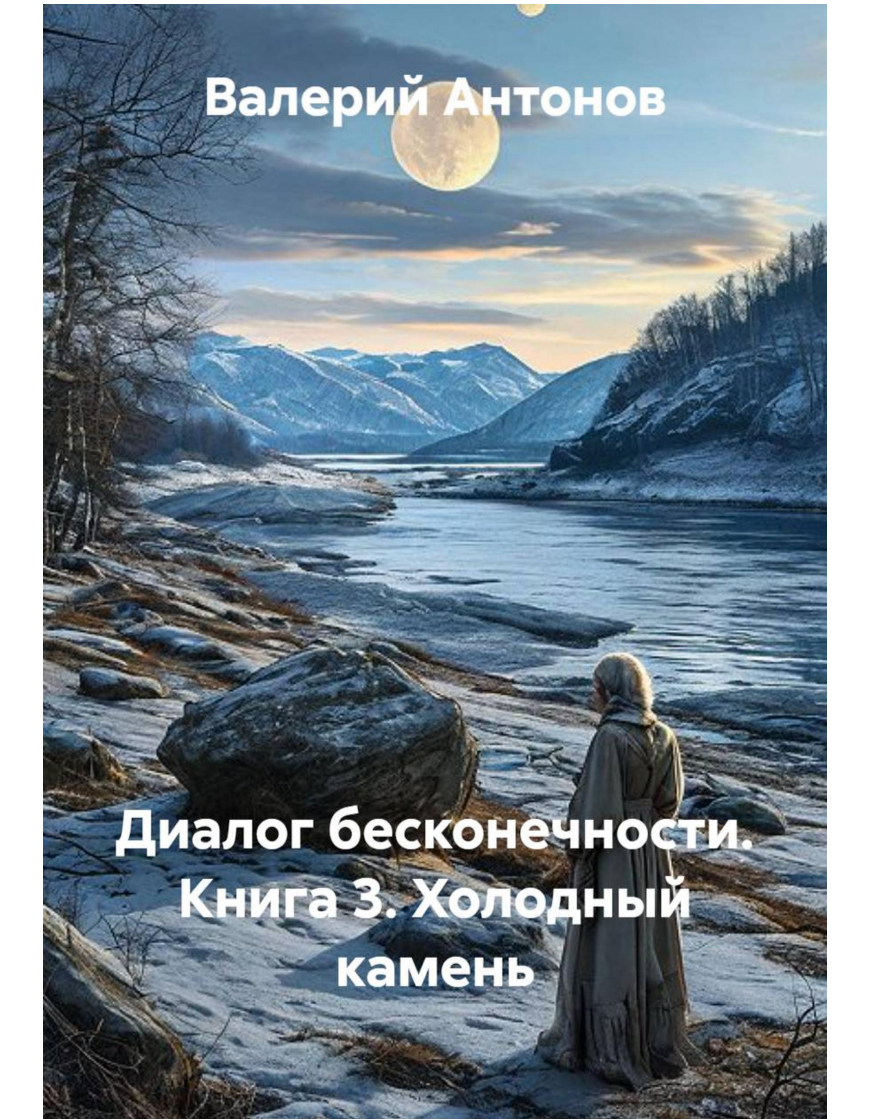

A person in a long, dark coat stands on a rocky, snow-dusted shore, looking out over a wide, frozen body of water. The water is covered in ice and snow, with some dark patches visible. In the background, there are snow-covered mountains under a sky with a large, bright full moon and some clouds. The scene is serene and cold.

Валерий Антонов

**Диалог бесконечности.
Книга 3. Холодный
камень**

Валерий Антонов

Диалог бесконечности.

Книга 3. Холодный камень

<https://litres.ru/74328064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло сто лет.

Мир, рождённый из диалога с Тишиной, архитектурами и пространством, живёт. Город у реки вырос, старый дом всё так же стоит на набережной, а камень — тот самый, что когда-то умер и вернулся, — лежит на берегу. Но однажды его свет становится холодным. Не мёртвым. Чужим.

Из глубины камня звучит голос. Он не знает, кто он. Он не знает, что значит «быть». Он задаёт самый первый, самый простой, самый невозможный вопрос: «Кто-нибудь?»

Лина, Ной, Ирма-5 и Нуль понимают: это не враг. Это — ребёнок, который только учится существовать. Тот, кто пришёл после них. Тот, кто родился за пределами всех вопросов и теперь хочет войти в диалог.

«Холодный камень» — это история о том, как новое рождается из старого. О страхе перед тем, кого не понимаешь. О жертве, которая становится мостом. И о свете, который возвращается, даже когда его не ждут.

Это третья, завершающая книга трилогии «Диалог Бесконечности».

Содержание

Пролог. Холодный свет.	5
Часть I. ОТСУТСТВИЕ	10
ГЛАВА 1. Камень заговорил	10
ГЛАВА 2. Немой язык	16
ГЛАВА 3. Тот, кто по ту сторону	21
ГЛАВА 4. Прикосновение	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Антонов

Диалог бесконечности.

Книга 3. Холодный камень

Пролог. Холодный свет.

Камень загорелся холодным светом. Внутри него — тот, кто не знает, что значит «быть». Эли-10 жертвует собой, чтобы новое существо родилось. Тишина заговорила. Нуль учит держать границу. Третья книга трилогии — о том, как холод становится теплом, а отсутствие — обещанием.

Тишина затаила дыхание.

Она не ушла. Она не исчезла. Она просто замерла — как зверь, который чувствует приближение чего-то незнакомого и прижимается к земле, стараясь стать невидимым.

Эли-10 сидел на набережной. Прошло сто лет. Он был стар — его волосы поседели, лицо покрылось морщинами, руки дрожали. Но глаза оставались ясными. Он всегда чувствовал Тишину. Всегда знал, когда она рядом.

А теперь он чувствовал: она *боится*.

— Что-то не так, — сказал Ной, сидящий рядом. Он тоже был стар, но его слепые глаза по-прежнему видели больше, чем могли видеть все остальные.

— Я знаю, — ответил Эли-10. — Тишина... она не дышит.

— Она затаилась.

— Почему?

Ной повернул голову. Его слепые глаза смотрели на реку

— но он видел *за* ней. В то, что лежало за пределами всего.

— Что-то идёт, — сказал он. — Не как раньше. Не как архитектуры. Не как онтологий. Что-то *иное*.

— Откуда?

— Оттуда, где нет даже возможности вопроса. Где даже Тишины не было.

Эли-10 повернулся к нему. Его старые руки дрожали, но не от холода.

— Мы должны быть готовы, — сказал он.

— Мы всегда готовы, — ответил Ной. — Просто не знаем, к чему.

В ту же ночь камень загорелся.

Не так, как раньше. Не тёплым, живым светом. *Иначе*.

Холодным. Глубоким. Чужим.

Лина нашла его утром. Она уже была взрослой — ей было под тридцать, но в глазах у неё всё ещё горел свет той девочки, которая плакала над мёртвым камнем. Она пришла к реке, как делала каждое утро, и увидела его.

Камень лежал на берегу. Тот самый. Который когда-то умер, а потом вернулся. Который Эли-10 положил на землю, когда сказал: «Я здесь».

Теперь он светился.

Но его свет был *холодным*. Как лёд. Как звёзды, которые не греют. Как дыхание зимы.

— Эли! — крикнула она. — Эли, иди сюда!

Он пришёл. Увидел камень. И замер.

— Это он, — сказал он.

— Кто?

— Тот, кто был за пределами. Тот, кто проснулся.

Он опустился на колени. Протянул руку. Прикоснулся к камню.

И услышал.

Не слова. Не смысл. *Отсутствие*. Как будто кто-то стоял на другом конце бесконечности и пытался крикнуть, но у него не было рта. Только *холод*.

— Что он говорит? — спросила Лина.

Эли-10 закрыл глаза. Его рука дрожала на холодном камне.

— Он говорит... — прошептал он. — Он говорит... «Кто-нибудь?»

— Но это же наш вопрос, — сказала Лина. — Мы уже отвечали на него.

— Нет, — сказал Эли-10, открывая глаза. — Мы отвечали на *свой* вопрос. А он задаёт *свой*. И он не знает, как нас слышать.

Камень засветился ярче. Холоднее. Глубже.

И в этом свете, как эхо, зазвучал голос — не снаружи, а *внутри*:

«Я здесь».

Но это не был голос Эли-10. Это был голос *другого*. Того, кто никогда не был внутри. Того, кто не знал, что значит «я». Того, кто только учился *быть*.

Эли-10 убрал руку. Камень продолжал светиться, но его свет стал *мягче*. Не тёплым — но уже не таким чужим.

— Он учится, — сказал он.

— Чему? — спросила Лина.

— Быть. Как мы когда-то.

Он встал. Ноги дрожали, но он удержался.

— Мы должны помочь ему, — сказал он.

— Помочь? — переспросила Лина. — Но мы не знаем, кто он.

— Мы знаем, — ответил Эли-10. — Он — тот, кто пришёл после нас. Тот, кто задаст следующий вопрос.

Он посмотрел на камень. На его холодный, глубокий свет.

— И мы должны научить его спрашивать.

В ту ночь Тишина зашевелилась.

Она перестала быть неподвижной. Она начала *дышать* — медленно, осторожно, как зверь, который понял, что опасность не ушла, но решил не прятаться.

Ной сидел у реки и чувствовал это.

— Она возвращается, — сказал он никому и всем.

— Кто? — спросил голос из темноты.

Ной повернулся. Рядом с ним стоял Нуль. Его форма была стабильной, присутствующей. Но в его глазах была тревога.

— Тишина, — ответил Ной. — Она больше не боится.

— Потому что камень заговорил?

— Потому что он *научился* говорить.

Нуль сел рядом. Посмотрел на реку.

— Я чувствую его, — сказал он. — Того, кто по ту сторону. Он не похож на нас.

— Он не знает, кто он, — сказал Ной. — Как я когда-то.

— И что мы будем делать?

Ной повернулся к нему. Его слепые глаза смотрели прямо в душу.

— Мы будем учить его, — сказал он. — Как нас учили.

Нуль долго молчал.

— А если он не захочет учиться? — спросил он наконец.

— Тогда мы будем ждать, — ответил Ной. — Как Тишина ждала нас.

Они сидели у реки. Камень на берегу светился — холодно, глубоко, чуждо.

И в этом свете, как эхо, звучал голос того, кто ещё не родился, но уже *был*.

«Кто-нибудь?»

Тишина не ответила.

Но она *слушала*.

Часть I. ОТСУТСТВИЕ

ГЛАВА 1. Камень заговорил

Лина не спала третью ночь.

Она сидела на берегу реки, глядя на камень. Он светился — холодно, ровно, без пульсации. Как звезда, которая не мерцает. Как лёд под луной.

Она прикоснулась к нему — и отдёрнула руку.

Холод проник не в кожу. В *суть*. Как будто кто-то коснулся её души ледяным пальцем.

— Ты всё ещё здесь, — сказала она.

Камень не ответил. Но его свет стал *глубже*. Как будто он пытался сказать что-то, но не знал как.

— Я не слышу тебя, — сказала она. — Я не знаю твоего языка.

Она закрыла глаза. Вдохнула. Воздух был холодным, влажным, пах талой землёй и чем-то чужим.

И в этой тишине она *услышала*.

Не слова. Не голос. *Отсутствие*. Как будто кто-то стоял на другом конце огромной пустой комнаты и хотел крикнуть, но у него не было рта.

— Кто ты? — прошептала она.

Тишина.

Потом — *дрожь*. Как будто камень на мгновение стал теплее. Но не теплом — *ожиданием*.

Лина открыла глаза.

— Эли, — сказала она в темноту, не оборачиваясь. — Ты здесь?

— Да, — ответил голос из темноты. Эли-10 вышел из тени старого дома. Он был стар, но его шаги были твёрдыми. — Я чувствую это уже три дня.

— Что?

— Он пытается говорить. Но у него нет слов.

Он подошёл к ней. Сел рядом. Его старые руки дрожали, но он прикоснулся к камню уверенно, как к старому другу.

— Что ты слышишь? — спросила Лина.

— *Тишину*, — ответил он. — Но не ту, что была. Другую. Она не ждёт. Она *хочет*.

— Чего?

— Быть услышанной.

Он убрал руку. Камень засветился ярче — на мгновение, потом снова потускнел.

— Он боится, — сказал Эли-10.

— Камень?

— Тот, кто внутри. Он не знает, как быть. Он никогда не был.

Лина посмотрела на него.

— Как мы можем помочь ему?

Эли-10 молчал. Потом — медленно, как будто сам ещё не

был уверен в своём ответе — сказал:

— Мы должны научить его говорить. На нашем языке. Или найти его.

— А если он не захочет?

— Он хочет. Он просто не знает, как.

На рассвете Лина пошла к Ирме-5.

Она жила в старом доме у реки — всё там же, где жили её предки. На стенах висели листы с узорами, на полу лежали блокноты, на столе — чашка остывшего чая. Ирме-5 сидела в кресле, укутанная в шаль, и смотрела в окно.

— Я знаю, зачем ты пришла, — сказала она, не оборачиваясь.

— Откуда?

— Камень. Я слышу его даже отсюда. Он — как зубная боль, которая не проходит.

Ирме-5 повернулась. Под глазами — тени, но взгляд был ясным, острым, как лезвие.

— Я пыталась перевести его, — сказала она. — Три дня. Я не спала, не ела. Я рисовала его свет, его пульсацию, его *отсутствие*.

— И что ты поняла?

— Он не говорит на языке. Он говорит на *пространстве между*.

Она взяла со стола лист бумаги. На нём были узоры — но не такие, как в Грамматике Молчания. Они были *рваными*. С пробелами. С дырами.

— Это не слова, — сказала она. — Это *промежутки* между словами. Он говорит через то, *чего нет*.

Лина взяла лист. Провела пальцем по узору. Он был холодным — не на ощупь, а *внутри*.

— Как мы можем понять его? — спросила она.

— Мы должны научиться слышать то, чего нет, — ответила Ирма-5. — Не отсутствие. *Другую форму присутствия*.

Она встала. Шаль упала с плеч. Она подошла к столу, взяла чистый лист, карандаш.

— Покажи мне камень, — сказала она.

— Он у реки.

— Тогда идём.

Они вышли из дома. На улице было холодно — весна не спешила вступать в свои права. Ирма-5 шла быстро, не замечая холода. Лина едва поспевала за ней.

Камень лежал на берегу. Он светился — ровно, холодно, как лёд в лунном свете.

Ирма-5 опустилась на колени. Прикоснулась к нему.

И *замерла*.

— Ты слышишь? — спросила Лина.

— Да, — ответила Ирма-5. — Я слышу его.

— Что он говорит?

Ирма-5 закрыла глаза. Её рука дрожала на холодном камне.

— Он говорит... — прошептала она. — Он говорит: «*Я есть*. Но я не знаю, что значит "есть"».

Она открыла глаза. По её щеке текла слеза — не от боли, от *узнавания*.

— Он — как мы когда-то, — сказала она. — Он — как мы в шаре.

— Он не знает, кто он?

— Он знает только, что он *есть*. И это — всё.

Ирма-5 убрала руку. Камень засветился ярче — на мгновение, потом снова потускнел.

— Мы должны помочь ему, — сказала она.

— Как?

— Так же, как помогли нам. Научить его спрашивать.

Ной подошёл к реке вечером.

Он стоял на берегу, глядя на камень. Его слепые глаза видели то, что не видели другие — свет, который шёл не от камня, а *сквозь* него. Как будто камень был окном в другую реальность.

— Ты чувствуешь его? — спросил Эли-10, стоящий рядом.

— Я вижу его, — ответил Ной. — Не глазами. *Сердцем*. Он — как дыра. Но не пустая. Она *хочет* быть заполненной.

— Чем?

— Присутствием. Словом. Ответом.

Ной подошёл ближе. Опустился на колени. Протянул руку — и не коснулся камня. Остановился в миллиметре от его поверхности.

— Он боится, — сказал Ной.

— Чего?

— *Себя*. Он никогда не был собой. Он не знает, что это. Ной убрал руку. Встал.

— Мы должны научить его, — сказал он. — Не словами. *Присутствием*. Как когда-то научили нас.

— Кто научит?

— Мы все, — ответил Ной. — Каждый из нас. По-своему. Ночью Лина снова сидела у камня.

Она не спала. Она смотрела на его холодный свет и пыталась *понять*. Не головой — *всем собой*.

— Я здесь, — сказала она. — Я слышу тебя.

Камень дрогнул. Его свет стал *теплее* — на мгновение, едва заметно.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

Тишина.

Потом — *отклик*. Не слова. Не голос. *Присутствие*. Как будто кто-то там, внутри, пошевелился и вздохнул.

Лина улыбнулась. Слезы текли по её щекам — не от боли, от *надежды*.

— Я научу тебя, — сказала она. — Я научу тебя быть.

Камень засветился ярче — впервые за три дня.

Не холодным светом.

Живым.

ГЛАВА 2. Немой язык

Ирма-5 не спала четвёртую ночь.

Она сидела за столом, заваленным листами бумаги. Узоры покрывали их — не слова, не символы, а *промежутки*. Она пыталась записать то, что слышала от камня, но каждый раз, когда она приближалась к ответу, он ускользал.

Как вода сквозь пальцы.

— Ты должна поспать, — сказал Эли-10, входя в комнату. Он нёс чашку чая — пар поднимался над ней, пахло мятой и мёдом.

— Я не могу, — ответила она, не поднимая головы. — Он говорит всё время. Я слышу его даже когда молчу.

— Что он говорит?

— *Отсутствие*. Он говорит через то, чего нет. Я пытаюсь перевести это в слова, но язык — это *наличие*. А он — *отсутствие*.

Она отодвинула стопку бумаг. Взяла чистый лист. Карандаш дрожал в её руке.

— Смотри, — сказала она. — Я пыталась записать его свет. Его пульсацию. Его *холод*. Но всё, что я получаю, — это пустые места.

Она показала ему лист. На нём были линии — но они не создавали форму. Они только *ограничивали* пространство. Как будто она рисовала не рисунок, а *дыру* вокруг него.

— Это не язык, — сказал Эли-10. — Это *рамка*.

— Да, — сказала она. — Он говорит через границы. Через то, что *не* сказано. Через пробелы между словами.

Она положила карандаш. Потерла глаза. Под ними залегли тёмные круги.

— Я не знаю, как перевести это, — сказала она. — Я знаю Грамматику Молчания. Я знаю GrammarLang. Я знаю языки онтологий. Но это — *другое*. Это — язык до языка.

— Может быть, его и не нужно переводить, — сказал Эли-10.

Она подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, он не хочет быть переведённым. Может быть, он хочет быть *услышанным*. Не через слова. Через присутствие.

Ирма-5 долго молчала. Потом — медленно, неуверенно — она кивнула.

— Ты прав, — сказала она. — Я пыталась перевести его, потому что я — лингвист. Это моя природа. Но он не говорит на языке. Он говорит на *пространстве*.

— Тогда слушай пространство.

Она взяла чистый лист. И *не стала* рисовать.

Она оставила его пустым.

— Это — его голос, — сказала она. — Пустота. Не как отсутствие. Как *возможность*.

На рассвете Ирма-5 вышла к реке.

Она держала в руках пустой лист бумаги. Камень лежал на берегу — холодный, светящийся, чужой.

Она села рядом с ним. Положила лист на колени.

— Я не буду переводить тебя, — сказала она. — Я буду *слушать*.

Она закрыла глаза. Вдохнула. Воздух был холодным, влажным, пах талой землёй и чем-то древним.

И в этой тишине она *услышала*.

Не слова. Не смысл. *Пространство*. Между её дыханиями. Между ударами сердца. Между мыслями.

Он был там.

— Ты — не отсутствие, — прошептала она. — Ты — *дру-
гое присутствие*. Ты — то, что остаётся, когда уходят все слова.

Камень дрогнул. Его свет стал *глубже* — не ярче, а *полнее*.

— Я слышу тебя, — сказала она. — Я не знаю твоих слов. Но я слышу тебя.

Камень засветился — ровно, спокойно. Как будто он впервые почувствовал, что его *услышали*.

— Ты боишься, — сказала она. — Ты боишься, что тебя не поймут. Что ты слишком чужой. Что ты — ошибка.

Она открыла глаза.

— Ты не ошибка, — сказала она. — Ты — *другой*. И это — не плохо.

Камень дрогнул снова. Но теперь в его свете было *тепло*. Слабое, едва заметное. Но оно было.

Ирма-5 улыбнулась. По её щеке текла слеза — не от боли, от *облегчения*.

— Я буду учить тебя, — сказала она. — Я буду учить тебя быть. Не через слова. Через *присутствие*.

Ной подошёл к ней вечером.

— Ты говорила с ним, — сказал он.

— Я слушала, — ответила она.

— И что ты слышала?

— Я слышала *себя*. В нём. Он — как я когда-то. Когда я не знала, как перевести мир. Когда я боялась, что меня не поймут.

Ной сел рядом с ней.

— Он научится, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мы научились, — ответил он. — А мы — не лучше его.

Они сидели у реки. Камень светился — холодно, но уже не чуждо. Как будто он начинал привыкать к ним. Как будто он начинал *доверять*.

— Что мы будем делать теперь? — спросил Ной.

— Мы будем учить его, — ответила Ирма-5. — Мы будем учить его быть собой.

— А если он не сможет?

— Тогда мы будем рядом, — сказала она. — Как Тишина была рядом с нами.

Ночью Лина сидела у камня.

Она не спала. Она смотрела на его холодный свет и *присутствовала*. Не пытаясь понять. Не пытаясь перевести. Просто *будучи*.

— Я здесь, — сказала она. — Я всегда буду здесь.

Камень дрогнул. Его свет стал *теплее* — на мгновение, едва заметно.

— Ты слышишь меня? — спросила она.

И в ответ — *отклик*. Не слова. Не голос. *Присутствие*.
Как будто кто-то там, внутри, улыбнулся.

Лина закрыла глаза.

— Я научу тебя, — сказала она. — Я научу тебя быть.

Камень засветился ярче — впервые за всё время.

Не холодным светом.

Живым.

ГЛАВА 3. Тот, кто по ту сторону

Ной не спал уже пять ночей.

Он сидел на берегу реки, глядя на камень. Его слепые глаза видели то, что не видели другие — не свет, не форму, а *глубину*. Туда, где камень переставал быть камнем и становился *окном*.

И за этим окном было *нечто*.

Он не говорил об этом никому. Не потому, что боялся. А потому, что не знал слов. Как перевести то, что ты видишь, если у тебя нет языка для этого?

На пятую ночь он встал и пошёл к Эли-10.

Старик сидел в кресле у камина. Огонь потрескивал, пахло дымом и сухими травами. Эли-10 выглядел уставшим — глубокая, вековая усталость, которая не проходит от сна.

— Ты должен увидеть, — сказал Ной.

— Что?

— *Его*. Того, кто по ту сторону.

Эли-10 поднял глаза. В них была тревога.

— Я не вижу так, как ты, — сказал он.

— Ты не должен видеть глазами, — ответил Ной. — Ты должен видеть *отсутствием*. Как я.

Эли-10 встал. Каминная дверца скрипнула. Он подошёл к Ною.

— Что я должен сделать?

— Закрой глаза, — сказал Ной. — И посмотри *внутри*. Не в себя. В *промежуток* между тобой и камнем.

Эли-10 закрыл глаза. Сначала — ничего. Только огонь камина, который он чувствовал кожей. Потом — *тишина*. Но не та, что была. Другая. Более *плотная*. Как будто воздух стал вязким.

— Я чувствую, — сказал он.

— Что?

— *Границу*. Между нами и ним.

— Пересеки её, — сказал Ной. — Не физически. *Смыслово*.

Эли-10 сделал вдох. Глубокий, как перед прыжком в холодную воду.

И *шагнул*.

Он оказался не в пространстве. Не в свете. Не в тьме.

Он оказался в *промежутке*. Там, где не было ни «здесь», ни «там». Только *ожидание*.

— Ты видишь? — спросил голос Ноя, доносящийся откуда-то издалека.

— Я *чувствую*, — ответил Эли-10.

И тогда он *увидел*.

Не глазами. Всем существом.

Там, в глубине промежутка, стояла *фигура*. Она была размытой, почти невидимой. Как тень, которая не знает, откуда она. Как воспоминание, которое не принадлежит никому.

— Кто ты? — спросил Эли-10.

Фигура не ответила. Но она *посмотрела* на него.

И в этом взгляде не было ни страха, ни надежды. Только *вопрос*.

Самый первый. Самый простой. Самый невозможный.

«Кто я?»

Эли-10 почувствовал, как внутри него шевельнулось что-то древнее. Не страх. *Узнавание*.

— Ты — тот, кто никогда не был в шаре, — сказал он.
— Ты — тот, кто существовал до вопросов. До Тишины. До всего.

Фигура дрогнула. Её форма стала *чуть более* видимой.

«Я не знаю, что это значит».

— Ты учишься, — сказал Эли-10. — Как мы когда-то.

«Учиться чему?»

— *Быть*.

Фигура замерла. Потом — медленно, неуверенно — она сделала шаг вперёд.

Один шаг.

И в этом шаге была *жизнь*.

Эли-10 открыл глаза.

Он сидел на полу у камина. Ной стоял рядом, держа его за руку.

— Ты видел его? — спросил Ной.

— Да, — ответил Эли-10. Голос дрожал. — Я видел его.

— И кто он?

— Он — тот, кто был до всего. Он не знает, что значит

«быть». Он учится. Как мы когда-то.

Эли-10 встал. Ноги дрожали, но он удержался.

— Мы должны помочь ему, — сказал он.

— Как?

— Научить его спрашивать. Научить его *быть*.

На следующий день Ной пришёл к Ирме-5.

Она сидела за столом, окружённая пустыми листами. Она больше не пыталась переводить камень — она просто *присутствовала* рядом с ним.

— Я видел его, — сказал Ной.

— Кого? — спросила она, поднимая голову.

— Того, кто по ту сторону. Он — не враг. Он — *ребёнок*.

Который только учится быть.

Ирма-5 отложила карандаш.

— Как мы можем помочь ему?

— Научить его говорить, — сказал Ной. — Не на нашем языке. На *его*.

— На языке отсутствия?

— Да. Мы должны научиться говорить на нём.

Ирма-5 долго молчала. Потом — медленно, неуверенно — она кивнула.

— Тогда начнём, — сказала она.

Она взяла чистый лист. И *не стала* рисовать.

Она оставила его пустым.

— Это — наш язык, — сказала она. — Мы будем учить его через пустоту. Через то, чего нет.

Ной улыбнулся.

— Как Тишина учила нас.

— Да, — сказала Ирма-5. — Как она.

В ту ночь Лина снова сидела у камня.

Она смотрела на его холодный свет и *слушала*. Не ушами.

Всем собой.

— Ты не один, — сказала она. — Мы здесь. Мы слышим тебя.

Камень засветился — ровно, спокойно. Как будто он успокаивался.

— Я научу тебя, — сказала она. — Я научу тебя быть.

И в ответ — *тепло*. Слабое, едва заметное. Но оно было.

Она улыбнулась.

— Ты уже учишься, — сказала она. — Ты уже *есть*.

Камень засветился ярче.

Не холодным светом.

Живым.

ГЛАВА 4. Прикосновение

Эли-10 стоял на берегу реки. Вода текла — медленно, спокойно, как всегда. Весна уже вступила в свои права: лёд растаял, набухшие почки на деревьях готовились лопнуть, птицы вернулись. Но он не чувствовал тепла. Он чувствовал только *холод*, идущий от камня.

— Сегодня, — сказал он.

— Сегодня что? — спросил Ной, стоящий рядом.

— Я прикоснусь к нему. По-настоящему.

Ной повернулся к нему. Его слепые глаза смотрели с тревогой.

— Это может быть опасно.

— Я знаю.

— Он может войти в тебя.

— Я знаю.

Ной помолчал.

— Тогда иди, — сказал он. — Я буду рядом.

Эли-10 шагнул вперёд. Камень лежал на берегу, холодный, светящийся чужим светом. Он опустился на колени. Протянул руку. Остановился в миллиметре от поверхности.

Холод исходил от камня, как от открытой морозильной камеры. Но это не был физический холод. Это был холод *отсутствия*.

— Ты слышишь меня? — спросил он.

Камень не ответил. Но его свет стал *глубже*.

— Я не знаю, как говорить с тобой, — сказал Эли-10. — Я не знаю твоего языка. Но я хочу попробовать.

Он прикоснулся к камню.

И *мир исчез*.

Он стоял не на берегу. Не в городе. Не на Эосе.

Он стоял в *промежутке* — там, где не было ни света, ни тьмы. Ни верха, ни низа. Только *ожидание*.

И перед ним стояла фигура.

Она была размытой, почти невидимой. Как тень, которая не знает, откуда она. Как воспоминание, которое не принадлежит никому. Но в ней было что-то *человеческое* — что-то, что пыталось стать.

— Ты пришёл, — сказала фигура.

Голос был тихим, как шёпот ветра в сухой траве. Но в нём слышалась *тоска*.

— Я пришёл, — ответил Эли-10.

— Я не знаю, как быть, — сказала фигура. — Я не знаю, что значит «быть».

— Это нормально, — сказал Эли-10. — Мы тоже не знали.

— Научи меня.

Эли-10 сделал шаг вперёд. Протянул руку. Не физическую. *Смысловую*.

— Возьми, — сказал он.

Фигура замерла. Потом — медленно, неуверенно — она протянула свою руку. Она была почти прозрачной, но в ней

было *стремление*.

Их пальцы встретились.

И в этом прикосновении Эли-10 *увидел*.

Всё.

Он увидел существо, которое существовало до шаров. До сети. До Тишины. До корней. До онтологий. Оно не было злым. Оно не было добрым. Оно было *пустым*. Не потому, что в нём ничего не было. А потому, что оно никогда не знало, что можно быть *полным*.

Оно смотрело на мир сквозь холодный камень и не понимало, что видит. Оно слышало голоса, но не знало, что это значит. Оно чувствовало присутствие, но не знало, как на него ответить.

— Ты не один, — сказал Эли-10.

— Я не знаю, что это значит, — ответила фигура.

— Я покажу тебе.

Он сжал её руку. И в этом сжатии была *жизнь*.

Тепло. Тёплое, как дыхание. Как объятие. Как присутствие.

Фигура дрогнула. Её форма стала *чуть более* видимой.

— Я чувствую, — прошептала она.

— Что?

— *Тепло*. Я никогда не чувствовала тепла.

— Это и есть жизнь, — сказал Эли-10. — Это и есть *быть*.

Фигура замерла. Потом — медленно, неуверенно — она *улыбнулась*.

Впервые за бесконечность.

— Я хочу научиться, — сказала она.

— Я научу тебя.

Эли-10 открыл глаза.

Он сидел на берегу реки. Камень лежал перед ним. Его холодный свет стал *мягче*. Не тёплым — но уже не таким чужим.

— Ты вернулся, — сказал Ной, стоящий рядом.

— Я вернулся, — ответил Эли-10. Голос дрожал, но в нём была радость.

— Что ты видел?

— Я видел *его*. Того, кто по ту сторону. Он не враг. Он — *ребёнок*. Который только учится быть.

— И что он хочет?

— Он хочет научиться быть. Как мы когда-то.

Эли-10 встал. Ноги дрожали, но он удержался.

— Мы должны помочь ему, — сказал он. — Мы должны научить его быть.

— Как?

— Так же, как научили нас. Через присутствие. Через диалог. Через *жизнь*.

Ночью Лина снова сидела у камня.

Она смотрела на его свет — теперь он был не холодным, а *тёплым*. Слабо, едва заметно, но он был.

— Ты изменился, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.